

УДК 304.101

DOI 10.25628/UNIIP.2025.67.4.017

КОЛЧИН В. С., ПЕТРУШИХИНА С. В.

Применение концепции «власть-знание» Мишеля Фуко для анализа некоторых ранних построек соцгорода Уралмаш

Статья посвящена обзору концепции «власть-знание» Мишеля Фуко и возможности ее использования при анализе конструктивистских зданий на примере некоторых построек соцгорода Уралмаш. Мы попытались сопоставить авангардную архитектуру, нацеленную на создание нового человека, и дисциплинарные практики, интересовавшие М. Фуко.

Ключевые слова: архитектура, XX век, конструктивизм, Свердловск, Мишель Фуко, власть-знание, Уралмаш.

Колчин
Виктор
Сергеевич

аспирант 1 курса,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация

e-mail:
victorkolchin4@gmail.com

Kolchin V.S., Petrushikhina S. V.

Application of Michel Foucault's concept of power-knowledge to the analysis of some early buildings of the sotsgorod of Uralmash

This article reviews Michel Foucault's concept of power-knowledge and its application to the analysis of constructivist buildings of some structures in the Uralmash sotsgorod. We attempt to compare avant-garde architecture, aimed at creating a new society, with the disciplinary practices that interested Foucault.

Keywords: architecture, XX century, constructivism, Sverdlovsk, Michel Foucault, power-knowledge, Uralmash.

Введение

В последние годы наблюдается возрастающий интерес к конструктивистскому наследию свердловской главы в истории города Екатеринбурга (1924–1991), в частности, много внимания уделяется соцгороду Уралмаш, который по недавно представленному плану реновации будет кардинально перестроен. По заявлениям будущих застройщиков, район не потеряет главных архитектурных памятников, тем не менее, мы видим, как эти проекты подталкивают людей к обсуждению истории и идентичности места.

Параллельно с этим мы можем заметить и увлеченность работами французского философа Мишеля Фуко (1926–1984). Несмотря на то, что он никогда не писал по исключительно архитектурной проблематике, его тексты оказали большое влияние на профессиональную среду в этой области. Взаимодействию концепций Фуко и архитектуры посвящен ряд публикаций¹. В данной статье впервые исполь-

зуется концепция «власть-знание» для анализа свердловского конструктивизма, а точнее – структуры и бытования соцгорода Уралмаш. Этим обусловлена новизна настоящей работы.

Концепция «власть-знание» у Мишеля Фуко

На последних страницах «Археологии знания» – нового взгляда на историю идей гуманитарных наук – можно найти такое определение «знания»: «область, где субъект занимает точно установленное и зависимое положение» [22]. Согласно М. Фуко, любой человек находится во власти дискурса и занимает в его поле определенное место. Абстрагироваться от него невозможно: дискурс захватывает абсолютно все сферы человеческой деятельности и постоянно воспроизводится. Дискурс не обязательно быть связанным с речью, его орудием может стать все, что хотя бы как-то оставило след в памяти о факте «высказывания».

Одной из форм дискурса является идеология. Архитектура была носителем идеологии и транслировала ее конвенции невербально, через декор и масштаб. Вспомним, как еще в Древнем мире графически, через изображения в гробницах или перечисление статуса вельмож архитектура формировалась знание о своих заказчиках. Такой способ позволял узаконить статус-кво власти, увековечить ее, а потому не дать ей утратить силу в будущем. М. Фуко отмечал: «История... преобразует документы в памятники» [22].

1 Впервые эта связь артикулирована в статье социолога Пола Хёрста в 1993 г., а потенциал применения фукольдианских концепций продемонстрирован в монографии «Фуко для архитекторов» Г. Фонтаны-Джусти. Андре Патрао отмечает, что, хотя французский мыслитель и не писал монографий об архитектуре, созданный им аппарат и метод оказался в достаточной мере универсальным, чтобы войти в архитектурный дискурс. Среди отечественных авторов к фукольдианской оптике обращается Алексей Муратов: в статье «Тело, власть, архитектура» для журнала «Проект Россия». Он апеллирует к концепции биополитики и гетеротопий для анализа воздействия архитектуры на тело.

Архитектуру можно отнести к своеобразным документам эпохи. Хотя не каждая постройка признается обществом «памятником», она воплощает дух своего времени. Но, как писал философ Валерий Подорога, комментируя Фуко: «исследуя монумент, мы исследуем воображаемую историю» [17], т. е., мы видим в здании некий итог событий, а не само их отражение. Потому нам сложно понять, насколько корректно то или иное решение отражает произошедшее, особенно учитывая, что в камне увековечиваются только великие достижения.

Набор «ценностей» архитектуры определяется ее дискурсом, однако ему необходима поддержка или «молчаливое согласие» власти. Например, в начале XXI в. в Екатеринбурге конструктивизм считался «скучным наследием» — руинами СССР, что буквально вторило устоявшемуся мнению о памятниках конструктивизма, появившемуся после разгрома движения в 1930-е гг. Сейчас ситуация изменилась: акцент, сделанный исследователями на собственно архитектурной ценности зданий и ансамблей, их интегрированности в международный контекст, в том числе контекст архитектуры современного движения (*modern movement*), позволил частично абстрагироваться от шлейфа тоталитарного прошлого. Сейчас свердловский конструктивизм превратился в узнаваемый «бренд» уральской столицы, объединяющий людей в формировании знаний о нем и их распространении. Это обстоятельство подтверждает тезис из интервью 1983 г. М. Фуко о том, что архитектура есть «метод социальных отношений и не всегда наделена политической функцией» [28]. При этом зачастую сооружениям приписываю ть те значения, которые не находят документального подтверждения в словах их создателей: дело в том, что на восприятие архитектуры влияет не только формальная составляющая зданий, но и их функция, программа, характер эксплуатации. Все эти параметры относительны, ибо могут со временем изменяться.

М. Фуко подробнее разрабатывает тему власти-знания в труде «Надзирать и наказывать», где пишет, что «цели власти и цели знания не могут быть разъединены» [35]. Они всегда существуют на политическом, социальном, экономическом фоне, который с возникновением капитализма постепенно подчинил человеческое тело производственным нуждам и позднее узаконил дисциплинарное общество. В нем жизнь

общества зависит не от воли бога или его помазанника — правителя государства, а складывается под надзором социальных институтов, которые формально подчинены более сложным механизмам, включающим большее количество людей, способных повлиять на вынесение решений и их исполнение. Власть бессмысленно соотносить с конкретными лицами или организациями — это нечто неуловимое и несводимое к субстанциальному проявлению, ведь «власть производит знание» [35], а знание производит идеологию — дискурс власти.

Любые взаимоотношения между людьми обуславливаются властью, и поэтому не стоит искать ее определение и через точку зрения «познающего субъекта» [26], поскольку «знание производится не познающим субъектом, а властью-знанием, процессами и борьбой» [26].

Главный вопрос, который поставил перед собой М. Фуко в «Надзирать и наказывать», по мнению Жиля Делеза, «как власть осуществляет-ся?» [26]. Ведь для ее поддержания недостаточно только репрессивных мер, ей нужна относительно крепкая экономика и желание большого круга людей самостоятельно следовать некоторым правилам, стремиться контролировать себя и свое поведение. Фуко пишет: «Власть наказывать распространяется по всему протяжению общественной сети, действует в каждой ее точке... воспринимается уже не как власть одних индивидов над другими, а как непосредственная реакция всех на каждого» [26]. Внутри дисциплинарного общества механизмы власти воздействуют на индивидов незаметно. Каждый знает, что его поведение контролируется, находится под постоянным надзором, причем агентами контроля могут выступать люди из окружения. Однако интерпретировать дисциплинарное общество как то, что неизбежно приведет к тоталитаризму, было бы не совсем верно. По тексту М. Фуко мы понимаем, что дисциплина не приводится к абсолютному злу; проблема, скорее, заключена в том, какие цели преследует дисциплина сама по себе и тот, кто осуществляет контроль.

С XVIII в. все, что касается производства, должно подчиняться общим интересам и работать во благо коллектива: «Детализированность правил, придирчивость инспекций, надзор над мельчайшими фрагментами жизни и тела вскоре породят в рамках школы, казармы, больницы или фабрики секуляризованное содержание, экономическую или техничес-

скую рациональность» [26]. Для максимальной экономии и эффективной работы человека его роль сводится к детали большого механизма, на заводах разрабатывается следующий подход: «не надо понимать приказ, надо воспринимать сигнал и немедленно на него реагировать» [26].

Мишель Фуко сравнивал дисциплинарные институты с автоматическими устройствами («машина-тюрьма, машина-больница, машина-школа» [5]), а задействованных в них людей — с деталями или механизмами. Чтобы «механизм» системы функционировал корректно, люди становились объектом для надзора и (подспудно) материалом для формирования нового знания. Здание, в свою очередь, настраивало «оптику» для более тщательного надзора.

М. Фуко отмечает, что в попытке создать универсальные модели управления — «дисциплинарные методы понизили порог, начиная с которого индивидуальность подлежит описанию» [26]: это означает, что индивид и свидетельства о его жизни становятся источником знания для власти. Обрести именную карточку в архиве больше не являлось признаком привилегированности знатных особ, как это было раньше, когда письменные свидетельства сохраняли преимущественно о выдающихся людях или неких инцидентах, а народные массы оставались анонимными. В XVIII в. ситуация изменилась: теперь народ начинает рассматриваться как совокупность отдельных индивидов, подлежащих контролю, тогда как власть и ее механизмы «депersonализируются» [20].

Воздействие архитектуры на дисциплину описывается на примере концепции Паноптикума английского философа Иеремии Бентама (1748–1832). Дисциплинирующий механизм в нем функционирует по принципу «невидимого наблюдателя»: будка надзирателя устроена так, что из камер заключенных, расположенных по периметру Паноптикума, его отсутствие незаметно. Узники об этом не подозревают, а потому все время контролируют свое поведение. Архитектура, таким образом, работает по трем модусам власти: «1) размещать в пространстве; 2) распределять во времени; 3) сочетать в пространстве и времени» [5]. Самодисциплина стимулирует экономию власти: отсюда берет свои истоки рационализм и эргonomичность. Эти факторы важны для архитектуры конструктивизма: они считали, что пространства должны использоваться с максимальной эф-

фективностью, а для этого необходимо правильно скординировать их между друг другом.

В книге «Воля к знанию» М. Фуко определяет власть как «множественность отношений силы» [24]. Она тотальна не из-за количества средств наблюдения, а от того, что изначально заложена во все взаимоотношения. Архитектура может быть «зеркалом» социальной иерархии, и потому доступность или открытость ее пространств зависит от утвержденных в обществе правил, продиктованных наделенных властью инстанциями. Они также диктуют нормы поведения и задают телесную норму. Этот набор биополитических конвенций также превращает тело индивида в «объект знания и элемент в отношениях власти» [24].

В упомянутом интервью «Пространство, знание, власть» М. Фуко дал архитектуре следующее определение: это «элемент опоры», который распределяет потоки людей в пространстве, а также кодирует их взаимоотношения. Иными словами, архитектура – это не просто искусство пространства, элемент среды обитания, но способ власти контролировать и навязывать свои «высказывания» через градостроительство и организацию пространств. Архитектура, таким образом, становится механизмом власти: через нее та следит за циркуляцией людских потоков.

Наш промежуточный вывод состоит в том, что, по М. Фуко, не существует архитектуры вне политики. Она – носитель определенной идеологии, и даже самая отвлеченная архитектурная идея не в силах от нее абстрагироваться. Знание и власть подпитывают друг друга, и простой индивид невольно оказывается в орбите их отношений. Архитектура играет роль обрамления этой ситуации: в нем тело рядового гражданина становится главным объектом познания и инструментом для производства.

Анализ архитектуры Уралмаша с позиций М. Фуко

М. Фуко писал: «Архитектура теперь призвана быть инструментом преобразования индивидов: воздействовать на тех, кто в ней находится, управлять их поведением, доводить до них проявления власти, делать их доступными для познания, изменять их» [26]. Эта цитата описывает тюрьму, но кажется выдержанной из текста конструктивистов. Одним из ярких воплощений идей этого архитектурного течения и является соцгород Уралмаш.

15 июля – дата, в которую будут происходить важнейшие события истории Уральского завода тяжелого машиностроения (далее УЗТМ). В этот день 1919 г. Красная армия прогнала вооруженные формирования Александра Колчака из Екатеринбурга. Согласно большевистской версии, самые жестокие бои состоялись в небольшом удалении от города – именно в тех местах, которые спустя несколько лет отдадут под масштабный проект УЗТМ [21].

Еще в 1920 г. планировалось построить завод-гигант, который бы стал оплотом тяжелого машиностроения за Уральскими горами, а его продукция со временем смогла заменить импортную. Несколько лет эти планы казались недостижимыми из-за экономических проблем, связанных с Гражданской войной и непризнанием СССР другими странами. Все усложнялось необходимостью закупить передовые машины в западных странах (Веймарской республике и США), для индустриализации требовались торговые отношения и валюта. Экономически спасенная периодом НЭПа, страна к 1927 г. могла себе позволить утвердить проект УЗТМ, который бы помог впредь избежать таких трат и зависимости в техническом развитии от других стран.

Зимой 1927–1928 г. на назначенную под возведение завода площадку съезжаются первые строители [21], они занимаются валом леса и расчисткой территории, а уже 15 июля 1928 г. состоялась торжественная закладка первого камня Уралмаша. УЗТМ – это завод, который сам себя обеспечивал строительными материалами. Так, в 1928 г. были разработаны песчаный и каменный карьеры, а первым построенным цехом стал цех металлических конструкций: в нем изготавливались детали для строительства как самого УЗТМ, так и других заводов еще до официального запуска [21]. Такие решения позволяли и сэкономить, и не зависеть от исхода борьбы за ресурсы в административных инстанциях хотя бы на минимальном уровне.

Фуко писал, что «дисциплина иногда требует спецификации места» [26], а строительство в тяжелых климатических условиях и с преобладающим ручным трудом, в условиях коллективизации и индустриализации приводили к колебанию общественных настроений. Заметно ощущалась нехватка рабочей силы, деревенское население часто приезжало на сезонные работы. К тому же первое время дорогу от Свердловска до стройплощадки рабочим приходилось преодолевать пешком, что сокращало количество рабочего времени. Для улучшения условий труда и попытки удержать персонал рабочие параллельно со стройкой завода стали рыть полуzemлянки и возводить деревянные бараки. По воспоминаниям одного из строителей, для них «на первом месте был завод» [1], а жилые помещения возникали уже как следствие и необходимость для поддержания высокого темпа строительства.

После бараков основная часть населения в 1930-е гг. стала переселяться в каркасные дома, в 1931 г. Уралмаш и Свердловск связала трамвайная линия, эти шаги позволили руководству УЗТМ снизить «текучесть рабочей силы: 1 января 1930 – 30%, 1 января 1933 – 1,7%» [21]. Внутри УЗТМ складывался постоянный коллектив, который вследствие изоляции от остального города проводил на заводе почти все свое время, часто перерабатывая. Хотя в фонде воспоминаний первостроителей УЗТМ² говорится о том, что такая атмосфера вела только к сплочению для достижения общей цели, мы понимаем, что в тяжелых материальных условиях и разделении в якобы бесклассовом обществе (например, жилье в первых кирпичных домах района в 1933 г. получило руководство УЗТМ, а часть фонда была выделена для временного размещения иностранных специалистов) [6] могло открывать отрицательные стороны в людях.

Мишель Фуко, описывая дисциплину на заводах во второй половине XVIII в., проводил следующие сравнения: «уподобили монастырю, крепости, закрытому городу» [26]. Приведенная цитата будет верна по отношению к Уралмашу лишь отчасти, поскольку соцгород в 1931 г. присоединен к «большому» Свердловску и стал Сталинским районом, хотя по планировке, уже созданной к 1931 г., он по своему устройству до второй половины XX в. продолжил концепцию соцгорода. После ХХ съезда КПСС Сталинский район и сам УЗТМ переименовали в честь народного комиссара тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе, курировавшего стройку.

Для нас не важны архитектурные особенности самого УЗТМ, который конструктивистами мог рассматривать-

² Фонд №Р-2910 Государственного архива Свердловской области. Исследован в монографии: Енина Л. В., Граматчикова Н. Б. Первостроители Уралмашзавода как перформативный проект: конструирование заводской идентичности. М.: Екатеринбург: Кабинетный учений, 2021. 282 с. Наш вывод сформирован на основе знакомства с этой книгой и фрагментами архива, опубликованными в ней. Он основывается на анкетах, собранных с 1967 г. (открытие Музея истории УЗТМ) и до 1980-х гг., среди сотрудников завода, работавших с 1928 по 1934 г.

ся как полигон для экспериментов перед возведением каменных построек района, а его градообразующий статус. Подчеркнуть значение УЗТМ в планировке соцгорода Петру Оранскому удалось за счет применения лучевой планировки. Сразу за проходной предприятия находится площадь Первой пятилетки, от нее лучами отходят три³ основные улицы-магистрали соцгорода: пр. Орджоникидзе⁴, являющийся прямым продолжением главного коридора УЗТМ, и две линии под углом 45° — вправо бульвар Культуры⁵, влево ул. Ильича [6]. Уникальным случаем для поселения при заводе является то, что их с УЗТМ разделяет всего лишь достаточно узкая площадь, в отличие от привычной широкой зеленой зоны.

Площадь Первой пятилетки стала настоящей гетеротопией — пространством перетекания времени вечности и сиюминутности, мира профанного, где жили рабочие, и мира сакрального — завода, ради которого на жертвы шли все причастные к нему. Площадь стала символом социалистического преобразования для рабочих, в 1932 г. ее даже стали в шутку именовать своей Красной площадью, когда там появился мавзолей директора завода А. П. Банникова по проекту Моисея Рейшера. Годом позже площадь замостили булыжником, и она еще больше стала походить на один из символов советской власти. Преданность коммунистическим идеалам не только руководителей, но и всех первостроителей Уралмаша должна была служить дидактическим примером рабочим, ежедневно пересекавшим площадь как минимум два раза в день своих смен, непрестанно напоминать о коллективной цели — строительстве коммунизма. Трансляция этих идей действительно работала: если мы обратимся к воспоминаниям первостроителей, собранных в позднесоветское время, то во многих из них прочитаем, что все трудности не были напрасными, ведь они ощущали себя частью истории преобразования страны, причастными к возникновению процветающего района и промышленного гиганта [7].

3 В некоторых устных выступлениях работников Музея УЗТМ говорится о пяти лучах, современная ул. Машиностроителей считается ими за два дополнительных луча, так как улица разбита площадью Первой пятилетки. В историографии на данный момент устоявшимся считается мнение о трех лучах.

4 До 1961 г. — пр. Сталина.

5 В некоторых ранних документах и топонимике жителей — пр. Культуры.

По мнению В. Паперного, Культура 1 (1920 — начала 1930-х гг.) взаимодействовала не с конкретными индивидами, а массами [16], люди еще не были так явно распределены на категории (стахановцы, ударники...), история понималась как коллективистская череда событий, а не портретная галерея замечательных людей. Значит, выходя на улицу перед работой, житель Уралмаша сразу вливался в поток идущих, как он, на работу таких же людей по прямым лучам-улицам, который можно счесть мини-моделью движения к коммунизму, которого можно достичь, оставаясь верным партии. Однако это не изменилось и во времена Культуры 2 и дифференциации людей, но индивидуальные проявления позволялись только тем, кто заслуживал этого статуса в обществе [16].

Возможно, главный символ свердловского конструктивизма — Белая башня Моисея Рейшера, построенная в 1929—1931 гг. До строительства в брежневскую эпоху Дворца культуры УЗТМ она замыкала ось по ул. Культуры. Будучи водонапорной башней УЗТМ, конструкция изначально не задумывалась как исключительно утилитарная, так, под баком с водой, опиравшимся на два столба, включая лестничный объем, предлагалось разместить газетный киоск и автобусную остановку [6]. Принимающие проект органы внесли свои корректировки, так как сочли такое решение небезопасным, и ради большей устойчивости добавили дополнительные колонны и лишили социальных функций. Если раньше доминантами городов были шпили церквей, то в новом атеистическом обществе эту функцию можно было отдать индустриальным сооружениям. Возможно, по этой причине Белая башня располагается на одной из самых высоких точек района и является условным маяком его границ [6], символом покорения природы первостроителями соцгорода, ведь дальше открывался вид на бескрайний лес. Проспект Культуры имел две перспективы — водонапорную башню и площадь Первой пятилетки.

Официальным днем запуска УЗТМ считается 15 июля 1933 г., но фактически первые цеха открывались с 1929 г. Учитывая экстремально сжатые сроки строительства, Уралмаш был обречен достраиваться уже после торжественного открытия. Рабочие, зараженные энтузиазмом, царившим вокруг УЗТМ, торопились завершить работы как можно скорее. Возможно, именно спешка стала причиной пожара в кузнецко-прессовом цехе 19 де-

кабря 1933 г. Заседание суда о группе вредителей назначили в местном кинотеатре «Темп».

Кинозал, вероятно, был наиболее вместительным в районе залом, но нет ли здесь и идеологического подтекста? Ведь В. И. Ленин, беседуя с наркомом просвещения А. В. Луначарским, заявлял, что «важнейшим из искусств» для СССР является кино. «Темп» был первым в Свердловске звуковым кинотеатром. Суд в кинозале мог дистанцировать людей от происходящего, будто суровые меры наказания дадут не живым людям, а каким-то актерам-врагам. Массовые репрессии на УЗТМ случатся позже.

Площадь Первой пятилетки всегда была местом памяти для власти, на-верное, поэтому через дорогу от нее поставили обелиск в честь сотрудников завода, погибших во время Великой Отечественной войны. Напротив, в здании бывшей проходной сейчас находится Музей УЗТМ, работавший там Сергей Агеев обращал внимание слушателей на крайне идеологизированные названия улиц района: Ильича, Орджоникидзе, Стахановская, Калинина, Кирова (Кировградская), до 1950-х гг. существовали улицы: Сталина, Молотова, Ворошилова [1]. Такой концентрации памятных мест в честь советских героев больше не было ни в одном другом районе Свердловска-Екатеринбурга.

Заключение

Идеи М. Фуко настолько универсальны, что мы можем рассмотреть с их помощью почти любой феномен. Если оставаться в области архитектуры, то можно интерпретировать любой объект, вне зависимости от его стилистических и временных рамок. Актуальность исследований М. Фуко кроется в его подходе, который фокусировался на девиантных явлениях общества, к которым в последнее время все чаще приписывают и бывшие советские соцгорода, как места, требующие полного переосмыслиния и реновации. Возможно, на новом этапе истории Уралмаша обращение к его истокам и анализу с помощью М. Фуко поможет найти правильную тональность для разговора об этом сложном историческом наследии.

Список использованной литературы

- [1] Агеев С. С., Бриль Ю. Г. Неизвестный Уралмаш. История и судьбы. — Екатеринбург: Урал. лит. агентство, 2003. — 499 с.
- [2] Агеев С., Реймер А. Главный коридор Уралмашзавода. — Екатеринбург: Tatlin, 2022. — 184 с.

- [3] Бланшо М. Мишель Фуко, каким я его себе представляю / пер. с фр. В. Е. Лапицкого. — СПб.: Mashina, 2002. — 96 с.
- [4] Большой Свердловск. Краткое описание схемы планировки города. — Свердловск: Изд. Урал. обл. проектно-планировоч. бюро, 1930. — 44 с.
- [5] Делез Ж. Фуко / пер. с фр. Е. В. Семиной. — М.: Издво гуманит. лит., 1998. — 172 с.
- [6] Екатеринбург-Свердловск, 1920–1940. Архитектурный путеводитель / под общ. ред. А. Елизаревой. — 2-е изд. — Екатеринбург: Tatlin, 2023. — 496 с.
- [7] Енина Л. В., Граматчикова Н. Б. Первоотстроители Уралмашзавода как перформативный проект: конструирование заводской идентичности. — М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. — 282 с.
- [8] Иконников А. В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. — Т. 1. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 656 с.
- [9] Ильченко М. С. Опыт Уралмаша в архитектуре советского авангарда: градостроительный эксперимент 1920–1930-х гг. // Quaestio Rossica. — 2016. — Vol. 4. — № 3. — С. 55–72: [сайт] — URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/41247/1/qr_3_2016_04.pdf (дата обращения: 03.11.2025). — DOI: 10.15826/qr.2016.3.175
- [10] Калинин И. Культурная революция, советский субъект и порядок дискурса // Логос. — 2019. — Т. 29. — № 2 (129). — С. 221–250: [сайт] — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37321880> (дата обращения: 03.11.2025). — DOI: 10.22394/0869-5377-2019-2-221-246
- [11] Кола Д. Фуко и Советский Союз // Мишель Фуко и Россия. — СПб.; М.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001. — С. 213–238.
- [12] Конструктивистские городки Свердловска, 1920-е–1930-е годы / Л. П. Пискунова, Л. Э. Старостова, И. В. Янков, Н. Э. Сучков. — М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. — 88 с.
- [13] Конышева Е. В. Градостроительство Урала 1920–1930-х гг.: региональный аспект общероссийской тенденции // Советское строительство, 1917–1941. — М.: Прогресс-Традиция. — С. 474–521.
- [14] Миллер Д. Страсти Мишеля Фуко. — М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2013. — 528 с.
- [15] Муратов А. Тело, власть, архитектура // Проект Россия. — 2005. — № 39. — С. 60–65: [сайт] — URL: <https://prorus.ru/interviews/telo-vlast-arhitektura/> (дата обращения: 03.11.2025).
- [16] Паперный В. З. Культура два. — 6-е изд. — М.: Новое лит. обозрение, 2022. — 416 с.
- [17] Подорога В. А. М. Фуко: археология современности. — М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2021. — 384 с.
- [18] Сидорина Е. В. Конструктивизм без берегов. Исследования и этюды о русском авангарде. — М.: Прогресс-Традиция, 2012. — 656 с.
- [19] Смирнов Л. Н. Конструктивизм в памятниках архитектуры Свердловской области. — Екатеринбург: НИИМК, 2008. — 160 с.
- [20] Сокулер З. А. Методология гуманитарного познания и концепция «власть-знание» Мишеля Фуко // Философия науки. — Вып. 4. — М., 1998. — С. 174–182: [сайт] — URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/p_s/ps4/17.pdf (дата обращения: 03.11.2025).
- [21] Унпелев Г. А. Рождение Уралмаша (1928–1933). — М.: Соцэkgиз, 1960. — 177 с.
- [22] Фуко М. Археология знания. — 4-е изд., стер. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2024. — 416 с.
- [23] Фуко М. Власть и тело // Мишель Фуко, интеллектуалы и власть. Избр. полит. статьи, выступления и интервью. — М.: Праксис, 2002. — Ч. 1. — С. 161–171.
- [24] Фуко М. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти, сексуальности. Работы разных лет. — М.: Касталь, 1996. — С. 97–269.
- [25] Фуко М. Другие пространства // Мишель Фуко, интеллектуалы и власть. Избр. полит. статьи, выступления и интервью. — М.: Праксис, 2006. — Ч. 3. — С. 191–204.
- [26] Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы: пер. с фр. — М.: Ад Маргинем Пресс: МСИ «Гарраж», 2023. — 416 с.
- [27] Фуко М. Око власти // Мишель Фуко, интеллектуалы и власть. Избр. полит. статьи, выступления и интервью. — М.: Праксис, 2002. — Ч. 1. — С. 220–248.
- [28] Фуко М. Пространство, знание и власть // Мишель Фуко, интеллектуалы и власть. Избр. полит. статьи, выступления и интервью. — М.: Праксис, 2006. — Ч. 3. — С. 215–236.
- [29] Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки. Проблемы города будущего. — М.: Наука, 1980. — 376 с.
- [30] Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: книга вторая. Социальные проблемы. — М.: Стройиздат, 2001. — 712 с.
- [31] Хан-Магомедов С. О. Конструктивизм — концепция формообразования. — М.: Стройиздат, 2003. — 576 с.
- [32] Хархордин О. В. Фуко и исследование фоновых практик // Мишель Фуко и Россия: сб. статей. — СПб.; М.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001. — С. 46–81.
- [33] Шулико Г. Фуко, Ленин и западный марксизм // Логос. — 2019. — Т. 29. — № 2. — С. 251–267: [сайт] — URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos/2019_02_Logos2-2019_Press-257-273.pdf (дата обращения: 03.11.2025).
- [34] Эрибон Д. Мишель Фуко. — М.: Молодая гвардия, 2008. — 378 с.
- [35] Fontana-Giusti G. Foucault for Architects. — London; New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2013. — 182 p.
- [36] Hirst P. Foucault and architecture // AA Files. — Autumn. — 1993. — № 26. — P. 52–60: [сайт] — URL: <https://www.jstor.org/stable/29543867> (дата обращения: 03.11.2025).
- [37] Lambert L. The Funambulist pamphlets. Vol. 2: Foucault. — Brooklyn; New York: The Funambulist + CTM Documents, 2013. — 102 p.
- [38] Lodder C. Russian constructivism. — New Haven, London: Yale University Press, 1983. — 336 p.
- [39] Patrão A. Foucault's Relation with Architecture: The Interest of His Disinterest // Architecture and Culture. — 2022. — № 10 (2). — P. 207–225: [сайт] — URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/20507828.2022.2046395?utm_source=researchgate (дата обращения: 03.11.2025). — <https://doi.org/10.1080/20507828.2022.2046395> (дата обращения: 03.11.2025).
- [40] Patrão A. Koolhaas' revision of Foucault's Panopticon; or, how architecture and philosophy just met // Architecture Philosophy. — 2020. — Vol. 5. — № 1. — P. 59–76: [сайт] — URL: <https://ojs.library.okstate.edu/osu/index.php/jispa/article/view/8053> (дата обращения: 03.11.2025).
- [41] Ruivo R. The Historiographical Invention of the Soviet Avant-Garde: Cultural Politics and the Return of the Lost

- Project // Loosen S., Heynickx R., Heynen H. (eds.). The Figure of Knowledge. Conditioning Architectural Theory, 1960s – 1990s. – Leuven, Leuven Univ. Press. 2020. – P. 227–241.
- [42] The Great Utopia: Russian and Soviet Avant-Guard 1915–1932: [exhibition catalog]. – Moscow: Galart; Bern: Bentelli, 1993. – 831 p.
- [43] Vronskaya A. Architecture of Life: Soviet Modernism and the Human Sciences. – Univ. of Minnesota Press, 2022. – 320 p.
- ## References
- [1] Ageev S. S., Bril' YU. G. Neizvestnyj Uralmash. Iстория i sud'by. – Ekaterinburg: Ural. lit. agentstvo, 2003. – 499 s.
 - [2] Ageev S., Rejmer A. Glavnij koridor Uralmashzavoda. – Ekaterinburg: Tatlin, 2022. – 184 s.
 - [3] Blansho M. Mishel' Fuko, kakim ya ego sebe predstavlyayu / per. s fr. V.E. Lapickogo. – SPb.: Mashina, 2002. – 96 s.
 - [4] Bol'shoj Sverdlovsk. Kratkoe opisanie skhemy pereplanirovki goroda. – Sverdlovsk: Izd. Ural. obl. proektno-planirovoch. byuro, 1930. – 44 s.
 - [5] Delez Zh. Fuko / per. s fr. E. V. Seminoj. – M.: Izd-vo gumanit. lit., 1998. – 172 s.
 - [6] Ekaterinburg-Sverdlovsk, 1920–1940. Arhitekturnyj putevoditel' / pod obshch. red. A. Elizar'evoj. – 2-e izd. – Ekaterinburg: Tatlin, 2023. – 496 s.
 - [7] Enina L.V., Gramatchikova N.B. Pervostroitelni Uralmashzavoda kak performativnyj proekt: konstruirovanie zavodskoj identichnosti. – M.; Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj, 2021. – 282 s.
 - [8] Ikonnikov A.V. Arhitektura XX veka. Utopii i real'nost'. – T. 1. – M.: Progress-Tradicija, 2001. – 656 s.
 - [9] Il'chenko M.S. Opyt Uralmasha v arhitekture sovetskogo avangarda: gradostroitel'nyj eksperiment 1920–1930-h gg. // Quaestio Rossica. – 2016. – Vol. 4. – № 3. – S. 55–72: [sajt] – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/41247/1/qr_3_2016_04.pdf (data obrashcheniya: 03.11.2025). – DOI: 10.15826/qr.2016.3.175
 - [10] Kalinin I. Kul'turnaya revolyuciya, sovetskij sub'ekt i poryadok diskursa // Logos. – 2019. – T. 29. – № 2 (129). – S. 221–250: [sajt] – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37321880> (data obrashcheniya: 03.11.2025). – DOI: 10.22394/0869-5377-2019-2-221-246
 - [11] Kola D. Fuko i Sovetskiy Soyuz // Mishel' Fuko i Rossiya. – SPb.; M.: Evrop. un-t v Sankt-Peterburge: Letnij sad, 2001. – S. 213–238.
 - [12] Konstruktivistskie gorodki Sverdlovska, 1920-e-1930-e gody / L. P. Piskunova, L. E. Starostova, I. V. Yankov, N. E. Suchkov. – M.; Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj, 2019. – 88 s.
 - [13] Konysheva E. V. Gradostroitel'stvo Urala 1920–1930-h gg.: regional'nyj aspekt obshcherossijskoj tendencii // Sovetskoe stroitel'stvo, 1917–1941. – M.: Progress-Tradicija. – S. 474–521.
 - [14] Miller D. Strasti Mishelya Fuko. – M.; Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj, 2013. – 528 s.
 - [15] Muratov A. Telo, vlast', arhitektura // Proekt Rossiya. – 2005. – № 39. – S. 60–65: [sajt] – URL: <https://prorus.ru/interviews/telo-vlast-arhitektura/> (data obrashcheniya: 03.11.2025).
 - [16] Papernyj V. Z. Kul'tura dva. – 6-e izd. – M.: Novoe lit. obozrenie, 2022. – 416 s.
 - [17] Podoroga V. A. M. Fuko: arheologiya sovremennosti. – M.: Kanon + ROOI «Reabilitacija», 2021. – 384 s.
 - [18] Sidorina E. V. Konstruktivizm bez beregov. Issledovaniya i etudy o russkom avangarde. – M.: Progress-Tradicija, 2012. – 656 s.
 - [19] Smirnov L. N. Konstruktivizm v pamiatnikah arhitektury Sverdlovskoj oblasti. – Ekaterinburg: NIIMK, 2008. – 160 s.
 - [20] Sokuler Z. A. Metodologiya gumanitarnogo poznaniya i koncepciya «vlast'-znanie». Mishelya Fuko // Filosofiya nauki. – Vyp. 4. – M., 1998. – S. 174–182: [sajt] – URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/ps/ps4/17.pdf> (data obrashcheniya: 03.11.2025).
 - [21] Unpelev G. A. Rozhdenie Uralmasha (1928–1933). – M.: Socekgiz, 1960. – 177 s.
 - [22] Fuko M. Arheologiya znaniya. – 4-e izd., ster. – SPb.: IC «Gumanitarnaya Akademija», 2024. – 416 s.
 - [23] Fuko M. Vlast' i telo // Mishel' Fuko, intellektualy i vlast'. Izbr. polit. stat'i, vystupleniya i interv'y. – M.: Praksis, 2002. – Ch. 1. – S. 161–171.
 - [24] Fuko M. Volya k znaniyu // Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti, seksual'nosti. Raboty raznyh let. – M.: Kastal', 1996. – S. 97–269.
 - [25] Fuko M. Drugie prostranstva // Mishel' Fuko, intellektualy i vlast'. Izbr. polit. stat'i, vystupleniya i interv'y. – M.: Praksis, 2006. – Ch. 3. – S. 191–204.
 - [26] Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my: per. s fr. – M.: Ad Marginem Press: MSI «Garazh», 2023. – 416 s.
 - [27] Fuko M. Oko vlasti // Mishel' Fuko, intellektualy i vlast'. Izbr. polit. stat'i, vystupleniya i interv'y. – M.: Praksis, 2002. – Ch. 1. – S. 220–248.
 - [28] Fuko M. Prostranstvo, znanie i vlast' // Mishel' Fuko, intellektualy i vlast'. Izbr. polit. stat'i, vystupleniya i interv'y. – M.: Praksis, 2006. – Ch. 3. – S. 215–236.
 - [29] Hazanova V. E. Sovetskaya arhitektura pervoj pyatiletki. Problemy goroda budushchego. – M.: Nauka, 1980. – 376 s.
 - [30] Han-Magomedov S. O. Arhitektura sovetskogo avangarda: kniga vtoraya. Social'nye problemy. – M.: Strojizdat, 2001. – 712 s.
 - [31] Han-Magomedov S. O. Konstruktivizm – koncepcija formoobrazovaniya. – M.: Strojizdat, 2003. – 576 s.
 - [32] Harhordin O. V. Fuko i issledovanie fonovyh praktik // Mishel' Fuko i Rossiya: sb. statej. – SPb.; M.: Evrop. un-t v Sankt-Peterburge: Letnij sad, 2001. – S. 46–81.
 - [33] Shuliko G. Fuko, Lenin i zapadnyj marksizm // Logos. – 2019. – T. 29. – № 2. – S. 251–267: [sajt] – URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos/2019_02/Logos2-2019_Press-257-273.pdf (data obrashcheniya: 03.11.2025).
 - [34] Eribon D. Mishel' Fuko. – M.: Molodaya gvardiya, 2008. – 378 s.
 - [35] Fontana-Giusti G. Foucault for Architects. – London; New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2013. – 182 p.
 - [36] Hirst P. Foucault and architecture // AA Files. – Autumn. – 1993. – № 26. – P. 52–60: [sajt] – URL: <https://www.jstor.org/stable/29543867> (data obrashcheniya: 03.11.2025).
 - [37] Lambert L. The Funambulist pamphlets. Vol. 2: Foucault. – Brooklyn; New York: The Funambulist + CTM Documents, 2013. – 102 p.
 - [38] Lodder C. Russian constructivism. – New Haven, London: Yale University Press, 1983. – 336 p.
 - [39] Patr o A. Foucault's Relation with Architecture: The Interest of His Disinterest // Architecture and Culture. – 2022. – № 10 (2). – P. 207–225: [sajt] – URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/20507828.2022.2046395?utm_source=researchgate

- (data obrashcheniya: 03.11.2025). — <https://doi.org/10.1080/20507828.2022.2046395> (data obrashcheniya: 03.11.2025).
- [40] Patr o A. Koolhaas' revision of Foucault's Panopticon; or, how architecture and philosophy just met // Architecture Philosophy. — 2020. — Vol. 5. — № 1. — P. 59–76: [sajt] — URL: <https://ojs.library.okstate.edu/osu/index.php/jispa/article/view/8053> (data obrashcheniya: 03.11.2025).
 - [41] Ruivo R. The Historiographical Invention of the Soviet Avant-Garde: Cultural Politics and the Return of the Lost Project // Loosen S., Heynickx R., Heynen H. (eds.). The Figure of Knowledge. Conditioning Architectural Theory, 1960s – 1990s. — Leuven, Leuven Univ. Press. 2020. — P. 227–241.
 - [42] The Great Utopia: Russian and Soviet Avant-Guard 1915–1932: [exhibition catalog]. — Moscow: Galart; Bern: Bentelli, 1993. — 831 p.
 - [43] Vronskaya A. Architecture of Life: Soviet Modernism and the Human Sciences. — Univ. of Minnesota Press, 2022. — 320 p.

Статья поступила в редакцию 02.11.2025.

Опубликована 30.12.2025.

Колчин Виктор Сергеевич

аспирант 1 курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация

e-mail: victorkolchin4@gmail.com

Kolchin Viktor S.

1st year graduate student, M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

e-mail: victorkolchin4@gmail.com

Петрушихина Светлана Владимировна

старший преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация

e-mail: s.petrushikhina@gamil.com

Petrushikhina Svetlana V.

Senior Lecturer, M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

e-mail: s.petrushikhina@gmail.com